

25. 秋月俊幸, 1994. 日露関係とサハリン島. 幕末明治初年の領土問題 [Japanese-Russian relations and the Sakhalin Island. Territorial issue of the end of Tokugawa era and the first years of Meiji era]. 東京: 筑摩書房. (in Japanese)
26. 秋月俊幸, 1999. 日本北辺探検と地図の歴史 [A history of the exploration and cartography of the North Pacific]. 札幌: 北海道大学図書刊行会. (in Japanese)
27. アイヌ民族に関する指導資料 [Materials for the study of the Ainu people]. 札幌, 2000. (in Japanese)
28. 榎森進, 2007. アイヌ民族の歴史 [History of the Ainu people]. 東京: 草風館. (in Japanese)
29. 屋代周二 ed., 1927. 樺太アイヌの研究: 特にその人口減少問題に就いて [The study of the Sakhalin Ainu: with focus on the population decline problem]. 豊原. (in Japanese)
30. 北原次郎太、丹菊逸治、田村雅人, 2000. 樺太アイヌ文化調査報告書 [A report on the study of Sakhalin Ainu culture]. 千葉県: 千葉大学. (in Japanese)
31. 村崎恭子, 2009. 樺太アイヌ語の数詞について [Numerals in the Sakhalin dialect of Ainu]. In: サハリンの言語世界: 北大文学研究科公開シンポジウム報告書. 札幌: 北海道大学, pp. 71-84. (in Japanese)
32. 中村和之, 2005. 大陸から見た中世日本の北方地域 [Northern areas of medieval Japan as seen from the continent], 日本海域歴史大系, Vol. 3, pp. 77-102. (in Japanese)
33. 西村いわお, 1994. 南樺太 [South Karafuto]. 札幌: 協業組合 高遠印刷センター. (in Japanese)
34. 小川正人, 2013. 対雁学校の歴史. 北海道に強制移住させられた樺太アイヌの教育史 [A history of Tsuishikari School: educating Sakhalin Ainu children forcibly relocated to Hokkaido], 北海道立アイヌ民族文化研究センター「教育学研究」, Vol. 80, no. 3, pp. 309-321. (in Japanese)
35. 大喜多紀明, 2013. 樺太アイヌの「トゥイタハ」に見出される交差対句 [The features of "Tuytah" tales of Karafuto Ainu], 年報人類学研究, no. 3, pp. 169-191. (in Japanese)
36. 高倉新一郎, 1966. アイヌ研究 [The studies on Ainu]. 札幌: 北海道大学生協同組合. (in Japanese)
37. 田村将人, 2007. 温存された酋長の役割. 樺太庁が任命した樺太アイヌの「土人部落総代」について [Preserving the role of village chiefs. On "the chiefs of aboriginal villages" of the Sakhalin Ainu, appointed by the local government of Karafuto], 北海道・東北史研究 第, no. 4, pp. 36-53. (in Japanese)
38. 田崎勇, 1992. 対雁強制移住樺太アイヌの記録 [The records of the Sakhalin Ainu about the forced migration to Tsuisikari]. In: 雁の碑: 樺太アイヌ強制移住の歴史. 樺太アイヌ史研究会 編. 札幌: 北海道出版企画センター, pp. 39-294. (in Japanese)

УДК 94(5)
DOI dx.doi.org/10.24866/1997-2857/2017-3/33-40

А.А. Хисамутдинов*

ТЕАТРАЛЬНОЕ И МУЗЫКАЛЬНОЕ ИСКУССТВО РУССКОЙ ЭМИГРАЦИИ В ШАНХАЕ

В статье описывается культурная жизнь русской общины в Шанхае с особым вниманием к театральному и музыкальному искусству, расцвет которого пришелся на 1920-е – 1930-е гг. Благодаря наличию среди эмигрантов большого числа деятелей искусства здесь получили развитие все творческие жанры. Автор дает сведения о деятельности в Шанхае русских музыкантов, артистов драмы, оперы и оперетты, русских театральных коллективов, отмечает вклад в культурную жизнь русской эмиграции общественных объединений, таких как Шанхайский арт-клуб, Содружество художников, литераторов, артистов, музыкантов (ХЛМ) и др. Статья основана на материалах русской периодической печати в Китае и США и других эмигрантских изданиях.

Ключевые слова: русское зарубежье, Шанхай, русский театр, русские музыканты, русский балет, творческие объединения

Theatre and musical art of Russian emigrants in Shanghai. AMIR A. KHISAMUTDINOV (Far Eastern Federal University)

The article describes the cultural life of the Russian community in Shanghai with special attention to theater and music, which flourished in the 1920s and 1930s. The author focuses on the activity of musicians, drama artists, opera and operetta troupes, Russian theater companies of Russian Shanghai, recognizing the contribution of such associations as the Shanghai Art Club and the Commonwealth of artists, writers, artists, musicians ("KhLAM") to the cultural life of the Russian emigration. The article is based on Russian periodicals in China and the United States and other emigrant sources.

Keywords: Russians Abroad, Shanghai, Russian theatre, Russian musicians, Russian ballet, creative associations

На 1920-е – 1930-е гг. пришлось время интенсивного развития русской культуры в Китае, вызванного массовым перемещением в эту страну беженцев из России. Несмотря на житейские заботы и труды по добыванию средств к существованию, русские эмигранты поддерживали культурные инициативы и искусство, все жанры которого получили развитие благодаря наличию в эмигрантской среде большого числа талантливых людей, включая профессиональ-

ных деятелей искусства. Этому способствовало также отсутствие цензуры и тесное соприкосновение с различными национальными культурами. Балет, музыка, театр, общественные организации культурной направленности – все это нашло отражение в жизни российской эмиграции в Китае.

Первым творческим объединением русского Шанхая стал Русский литературно-артистический кружок, основанный в июне 1917 г. Под

* ХИСАМУТДИНОВ Амир Александрович, доктор исторических наук, профессор Департамента коммуникаций и медиа Школы гуманитарных наук Дальневосточного федерального университета.

E-mail: khisamutdinov.aa@dvfu.ru

© Хисамутдинов А.А., 2017

руководством председательницы Л.П. Гейман кружковцы в основном занимались благотворительностью, собирая для этих целей средства путем организации литературных вечеров и утренников. Кружок просуществовал недолго и вскоре распался: русских в Шанхае того времени было не много.

Русские творческие силы начали обозначаться гораздо заметнее в середине 1920-х гг., когда шанхайская община выходцев из России стала многочисленнее и были преодолены первые трудности по устройству на новом месте. Наибольшее проявление они получили в музыкальной среде, так как Шанхай, все больше заявляя о себе как музыкальном центре Китая, привлекал музыкантов из других городов. Среди первых русских, переехавших сюда из Харбина, был композитор, музыкант и общественный деятель П.Н. Машин (1925 г.). Он начал с организации хоров в русских церквях и концертов духовной музыки, а в дальнейшем был хормейстером нескольких опер, поставленных в Шанхае русскими артистами, основал Украинский и Терский казачьи хоры, с которыми много гастролировал по миру [11].

С открытием Китайской национальной консерватории в 1927 г. (позднее – Шанхайская консерватория музыки) для преподавания в ней были приглашены русские музыканты С.С. Аксаков, Б.С. Захаров, З.А. Прибыткова, В.Г. Шушлин, И.П. Шевцов, Е. Левитина, Е.И. Селиванова, Е.Г. Гравитская, Б.М. Лазарев, В.В. Сарычев, С.И. Швайковский, В.А. Чернецкая, А.Н. Печенюк, А.С. Спиридонов и др. С 1929 г. Шевцов и Захаров стали деканами факультетов (виолончельного и фортепианного), а в 1935 г. Консерватория полностью перешла на русскую программу преподавания [9, с. 137-138].

В конце 1920-х гг. профессор Аксаков выступил с инициативой создания просветительского общества для русских эмигрантов, ставя целью, с одной стороны, объединить разрозненные музыкальные силы, а с другой, путем лекций-концертов познакомить молодых эмигрантов с композиторами и лучшими образцами русской музыки. Совместно с Прибытковой и Захаровым он создал Русское музыкально-просветительское общество, однако одного энтузиазма оказалось мало. Отсутствие средств, неопытность и непрактичность помешали выполнить намеченное, и Общество прекратило существование. Впоследствии русские певцы и музыканты сформировали Литературно-артистическое общество, поставившее схожую цель: популя-

ризовать русское искусство. Общество устраивало лекции-концерты, посвященные русской музыке и ее отдельным представителям: Глинке, Даргомыжскому, Чайковскому и др.

Самым сильным музыкальным коллективом на Дальнем Востоке считался Шанхайский муниципальный оркестр (первоначально – оркестр Французской концессии), состоявший преимущественно из русских музыкантов. В 1935 г. они занимали в оркестре 60% мест [5, с. 309]. В 1924-33 гг. дирижером оркестра был С.И. Швайковский, до революции солист Московского императорского театра и дирижер в Императорском музыкальном обществе.

Изучением китайской музыки занимался профессор Н.Н. Иваницкий, который использовал национальные мотивы в своих симфонических концертах. Он много лет жил в Китае, специально ездил в глухие районы, чтобы изучить народную музыку. «Композитор Н.Н. Иваницкий, – писал журнал «Рубеж», – задался целью найти синтез китайской мелодии и европейских симфонических форм. Задача это нелегкая, весьма ответственная и серьезная. Она требует глубокого знания основ китайской музыки и ее духа, – иначе плодом таких попыток будут произведения псевдо-китайские, ничего общего с подлинно китайской музыкой не имеющие» [10, с. 19]. Композитор успешно справился с задачей, об этом говорит получение им 1-й премии Всеманьчжурской ассоциации искусств в Синьцзине за «Восточно-Азиатские этюды».

Для творчества композитора А.А. Авшаломова также было характерно обращение, наряду с русскими, к китайским музыкальным традициям. Темы для своих опер, балетов и музыки к драматическим постановкам он брал из китайской жизни. Он развил китайскую музыку, создав несколько произведений (в частности, оперы «Куань Инь» (1925), «Сумеречные часы Ян-гуйфэй» (1933) и «Великая стена» (1941)), в которых китайские ритмы и гармония сочетались с классической техникой исполнения. Авшаломов имел свою труппу из 35 человек, в которой большинство артистов были китайцами, и часто посещал с гастрольями города Китая. Особым успехом его музыка пользовалась у китайской интеллигенции, которая приветствовала новаторство композитора.

С русским драматическим искусством шанхайцы познакомились в январе 1931 г., когда актриса и режиссер драмы З.А. Прибыткова вместе с артистом и журналистом В.В. Кларинным стали учредителями Русского камерного театра.

Он открылся спектаклем по пьесе А.М. Ренникова «Беженцы всех стран». «Артисты – все, от первых до последних, – объединились в одном порыве творческой работы, именно этот порыв и создал театр, которому, несомненно, отныне принадлежит значительное место в русской жизни Шанхая» [19, с. 12-13]. Труппа имела успех, но через год позиции театра несколько ослабли, так как в Шанхае начались военные действия, кроме того появилась конкуренция с театром драматической актрисы и режиссера О.И. Алексеевой «Палочка-Стукалочка». Со временем Прибыткова смогла сплотить труппу, усилив ее приехавшим в Шанхай в 1933 г. В.И. Томским (настоящая фамилия – Москвитин), которого называли самым известным русским драматическим артистом в Китае. Из постановок Русского театра наиболее известны комическая пьеса Д.Я. Айзмана «Консул Гранат», «Вишневый сад» А.П. Чехова и «Квадратура круга» В.П. Катаева. Помимо выступлений Томский работал в драматическом театре и как режиссер.

Первые итоги существования театра подвел журнал «Феникс»: «Что же касается русской публики, то за четыре года существования Русского театра она настолько привыкла к нему, что он стал необходимым элементом, занимающим одно из первых мест в ряде культурных начинаний Русского Шанхая» [18, с. 15]. О достоинствах Русского театра, который просуществовал до 1946 г., говорит и то, что его спектакли часто посещали жители иностранных концессий Шанхая, в том числе и те, кто почти не знал русского языка.

Одной из самых талантливых драматических актрис в Китае называли В.В. Панову, которая неоднократно выступала с гастрольями по всем китайским городам, где жили русские. «Талантливая артистка, очень далекая от шаблона и рутины, она каждую свою роль отделяет с исключительной тщательностью. Искренность, отсутствие наигранности, безукоризненное знание человеческой психологии – вот отличительные черты этой артистки» [14, с. 17].

Актриса и журналист Л.Н. Княжевич (настоящая фамилия – Ульштейн), автор пьес, романа и рассказов, до революции выступала в Самаре, затем играла в театрах Иркутска, Владивостока и Харбина. Она жила в Шанхае с 1925 г.

Драматический артист Ж.Г. Вершинин стал выступать на сцене еще во Владивостоке, будучи гимназистом. Любовь к театральному искусству он сохранил и в дальнейшем. В Тяньцзине

Вершинин основал Кружок любителей драматического искусства, которым сам и руководил. Переехав в 1931 г. в Шанхай, он участвовал в постановках ряда театров: камерного Прибытковой, «Палочка-Стукалочка» и драматического.

Артист А.С. Орлов проявил себя организатором театрального искусства еще в Харбине, где создал Театр старой драмы. Приехав в 1941 г. в Шанхай, он организовал собственную труппу и здесь. «В этом сезоне, – говорил артист, – мне посчастливилось собрать группу лиц, искренне преданных искусству. Но если бы эти кадры еще увеличились, от этого в равной степени выиграла бы как сцена, так и весь русский Шанхай» [16, с. 17]. Труппа Орлова работала в Шанхае до 1949 г.

Высокую культуру русского театра отмечали и иностранные артисты, часто гастролировавшие в Шанхае. «Приехав в международный Шанхай, мы снова нашли только русские постоянные театры. Сила русского искусства сохранила в артистах, странствующих почти двадцать лет после революции, энергию для создания собственных предприятий, трупп, театров, концертов. Изумительный русский народ и русское искусство! В нем такая мощь, которую только русский артист в состоянии передать» [20, с. 15].

Получило развитие в Шанхае и русское балетное искусство. Одним из первых профессиональных балетмейстеров этого города был Э.И. Элиров, бывший директор Государственной балетной школы (Москва), поставивший несколько спектаклей в крупнейших театрах России, а затем и в Китае, куда он приехал из Парижа. В 1930 г., например, он поставил балет «Леда» на музыку композитора Л.И. Иткиса, получивший благоприятные отзывы. «Артистический путь, проделанный Элировым, и та работа, которую нам удалось наблюдать, создают впечатление, что будет какая-то подлинная артистическая радость в этих спектаклях, задуманных группой энтузиастов искусства в городе, где кроме ченджа ни о чем не думают» [3, с. 22-23].

В 1934 г. Элиров вошел в новое театральное содружество, Русское балетное объединение (также – Русский балет), основанное в Шанхае с намерением, как писал «Рубеж», продолжить лучшие традиции русского балета. Программа первого спектакля этого коллектива, с большим успехом прошедшего в шанхайском театре «Лайсеум», состояла из трех больших постановок. Зритель смог оценить шопеновских

«Сильфид», бурные «Половецкие пляски» из «Князя Игоря» и смелую новаторскую постановку «Маски города». Последняя постановка принадлежала Э.И. Элирову, а первые две вещи поставил балетмейстер Н.М. Сокольский, работавший тогда в труппе С.П. Дягилева. В Китае он жил сначала в Харбине, а в 1929 г. поселился в Шанхае, где стал организатором нескольких трупп, в которых выступали известные артисты: Ф.Ф. Шевлюгин, Е.В. Бобынина, Н. Недведицкая, А. Астровская и др.

Наибольшую известность Сокольский приобрел как балетмейстер и режиссер Русского балета, с большим успехом работавшего в Шанхае почти два десятилетия, до 1953 г. «Результат для нас, – признавался он после одного из спектаклей, – был неожиданный: мы увидели, что Шанхай интересуется классическим балетом... И вот теперь прошло уже восемь лет нашей работы. [...] С чувством значительного удовлетворения я могу заметить, что наш желтый Вавилон просыпается от фокстротной “рухляди” и проявляет интерес к красивым формам классического балета» [2, с. 14-15].

Это подтверждал и журнал «Рубеж»: «Русский балет в Шанхае пользуется колоссальным успехом у тамошней публики, среди которой немало людей, являющихся большими знатоками хореографии, видевших балетные постановки в мировых центрах Европы. Эта публика переполняет каждую постановку Русского балета в шанхайском театре «Лайсеум», причем эти спектакли повторяются по три-четыре раза с неизменными аншлагами» [4, с. 15].

Русский балет в Шанхае пользовался заслуженной славой прежде всего благодаря наличию прекрасных танцовщиц. Балерина З.В. Ларина, например, была ученицей известных в Америке балетмейстеров М. Фокина, И. Тарасова и Л. Масина. С 1921 по 1933 гг. она выступала в лучших театрах Нью-Йорка. В Шанхае, где балерина жила с 1932 г., она преподавала гимнастику и балет в студии «Шанхайская заря», имела собственную балетную студию. Балерина Н.В. Кожевникова (в замужестве – Панченко), ученица А.Н. Андреевой, карьеру актрисы начала в Харбинском железнодорожном собрании, затем участвовала в Русском балете Н.М. Сокольского. Вспоминая о шанхайской труппе, Кожевникова «с любовью, но с грустью замечает, что таких организаций в рассеянии русской эмиграции было очень и очень мало». С особым уважением писала Кожевникова о замечательной преподавательнице и прима-ба-

лерине англичанке Одри Кинг: «Ее уроки для всех ведущих балерин Русского балета, а также ведущих танцоров были высшим наслаждением» [17, с. 56].

Русским балетом также руководили Н.А. Князев и Ф.Ф. Шевлюгин, который выступал и в ведущих мужских ролях. Известными танцорами в Шанхае были также Н. Светланов и, позднее, талантливый японский танцор Комаки Масахиде (основатель балетного класса в Японии, автор четырех книг, в которых вспоминал об истории сотрудничества с русским балетом). Оркестром руководил известный в Харбине дирижер А.И. Слуцкий, художественным оформлением и декорационной частью заведовали художники М.Ф. Домрачев и, позже, М. Алин.

В 1933 г. в Шанхае появился Театр русской оперетты, основанный З.А. Битнер и Л.И. Розеном. Он оказался самым долговечным из всех театров, созданных русскими в Китае, прекратив свое существование только в 1960 г., когда его основатели выехали в Бразилию. Только за шесть первых сезонов Розен с единомышленниками смог поставить около трехсот спектаклей, воспитать немало интересных артистов. Он не без гордости говорил, что его детище является единственным русским театром этого жанра в зарубежье. Ф.Ф. Шаляпин писал: «Я никогда не предполагал, чтобы вдали от родины, в чужом городе, могла существовать Русская оперетта, по художественности постановок и по талантности артистов напоминающая московскую или петербургскую оперетту лучших добрых старых времен. Во всяком случае, это единственная русская, вдобавок, эмигрантская оперетта в мире, существующая за границей. Такой оперетты нет ни в Берлине, ни в Париже, ни в Риге, ни в городах Америки, где русского населения много больше и оно зажиточнее, чем в Шанхае...» [8, с. 10-11]. В оперетте участвовали артисты Г.В. Кудинов, С.В. Зорич, З.А. Битнер и другие. Дирижером был А. Слуцкий. Декорации для театра оперетты создавали В. Засыпкин, М. Кичигин, К. Покровский и А. Сафонов.

Помимо опереточных спектаклей артистический коллектив под руководством Битнер и Розена проводил огромную просветительскую работу, знакомя шанхайцев с образцами русского сценического искусства. Так, значительным событием в культурной жизни Шанхая были постановки в память Никиты Балиева, основателя и руководителя московского театра «Летучая мышь», одного из первых и лучших

камерных театров России. Розен знал программу этого театра по европейским гастролям и воспроизводил его постановки по памяти [12]. Театр оперетты также ставил оперы и другие классические спектакли, привлекая известных артистов, таких как солисты Русского балета Е. Бобынина, А. Недлер и Н. Светланов, трио Астор. Силами коллектива русской оперетты с помощью имевшихся в Шанхае артистов оперы были поставлены «Манон Леско», «Травиата», «Сказки Гофмана» и «Паяцы».

«Руководителям оперетты З. Битнер и Л. Розену, – писала пресса, – следует отдать справедливость и вполне заслуженное ими признание: в росте успеха и влияния русской сцены в Шанхае они сыграли значительную роль и показали не только большое свое искусство, но и исключительную энергию и неутомимость» [15, с. 17].

В отличие от оперетты оперное искусство не получило в Шанхае большого развития, хотя известно, что еще в 1919 г. в Шанхае открылись Русская опера и музыкальная школа. Режиссером Шанхайского оперного театра был некоторое время артист и режиссер С.М. Ульянов, приехавший в Китай с Явы в 1922 г. Живя в Харбине, он работал в Железнодорожном собрании и давал частные уроки, пока не переехал в 1936 г. в Шанхай. Его женой была оперная певица К.Т. Ситникова. На партии баса приглашали оперного певца В.П. Блохина, выступавшего на сцене с 1888 г.: в Большом театре Москвы, оперной антрепризе М.М. Бородея в Киеве и других коллективах. Приехав в Шанхай в 1925 г., Блохин стал основателем квартета «Гармония». Он также вел общественную работу на посту председателя Национального объединения зарубежных сценических деятелей в Шанхае.

Лучшим джазовым коллективом на Дальнем Востоке считался шанхайский оркестр Сержа Ермолла (Сергея Ермолова), состоявший в основном из бывших воспитанников Хабаровского кадетского корпуса. Сергей Ермолов родился в Харбине, затем в поисках счастья отправился на юг Китая, оттуда перебрался в Америку, где играл в дорогих ресторанах. Вернувшись в Китай, он организовал свой оркестр и преодолел немало трудностей, прежде чем публика, отдававшая предпочтение американским и филиппинским коллективам, признала русский джаз. Оркестр Ермолла играл в «Циндао-кафе», шанхайских «Мажестик-отеле», «Астор-хаузе», «Парамоунте», тьянцзинском «Коунтри-клубе» и других первоклассных ресторанах Китая.

С. Ермолов следил за всеми новинками джаза в Европе и Америке, его коллектив наиграл несколько пластинок для «Патэ-Колумбия», киностудии «Фокс-мувиан» в США и китайской «Стар». «Серж Ермолл, несомненно, музыкант большого масштаба, – писал «Рубеж». – Вместе с творцом “Роз-Мари”, композитором Фримль, Серж Ермолл написал знаменитую “Бачио”. Работал он также совместно с композиторами Лионель Каун, написавшим нашумевший “Dream House”, и с Чак Тоди, автором прогремевшей на весь мир “Girl of my dreams”» [13, с. 13]. Во время визита в Шанхай Чарли Чаплина Серж Ермолл подарил ему одно из собственных танго, которое настолько понравилось королю экрана, что он попросил разрешения использовать его для своей постановки.

Для артистов эмиграции их гастрольные поездки были единственным способом познакомиться со своим творчеством соотечественников. Они постоянно гастролировали по Китаю и другим странам Дальнего Востока, ездили и в США. В свою очередь русские общины в китайских городах часто приглашали на гастроли артистов из Европы.

Множество начинаний в культурной жизни Шанхая принадлежало общественным организациям. В начале 1930-х гг. музыкальным центром в городе считалась музыкальная секция Шанхайского арт-клуба, которой руководил профессор Захаров. В нее входили и другие русские преподаватели консерватории, которые выступили с серией концертов. Содружество русских работников искусства «Понедельник» (основано осенью 1929 г.), литературно-художественно-музыкальное и научное объединение «Шатер» (основано 1 ноября 1935 г.), Содружество художников, литераторов, артистов и музыкантов ХЛИАМ (основано осенью 1933 г.), Объединение «Искусство и творчество» (с Артистическим клубом и Музыкальным комитетом) проводили литературные вечера с театральными постановками, устраивали концерты и конкурсы.

В 1938 г. была предпринята попытка создать Союз объединения русского искусства. На учредительной встрече один из инициаторов говорил: «До сего дня, как вам известно, организации оперы, драмы, балета, оперетты работали автономно. Все отчаянно конкурировали между собою, в конечном итоге от всего этого терпели убытки и нервировали театральную публику. Балет ставил оперу, драма – оперу и т.д. Вы сами понимаете, что искусство в опасности. Нам надо дружески договориться и понять друг друга» [6].

Несмотря на благие намерения, Союз так и не был создан, и объединения не получилось, тем не менее, множество творческих коллективов, работавших в Шанхае, внесли огромный вклад в развитие русского искусства за рубежом.

Наибольшее активной и долговечной общественной организацией был ХЛАМ, объединение русской шанхайской богемы – художников, литераторов, артистов, музыкантов (первые буквы этих слов и дали название организации – прим. авт.) и прочих людей, имевших отношение к искусству. Учредителями в 1933 г. стали А.В. Петров (Полишинель), М.Ц. Спургот (Сэр Майк), В.В. Панова-Рихтер, П.А. Дьяков, Л.В. Арнольдов и В.С. Валь, составив «Ядро» – первое правление. Многие основатели ХЛАМа начинали свою артистическую деятельность в «Балаганчике», заседания которого когда-то проводились во Владивостоке в гостинице «Золотой Рог». Члены ХЛАМа обычно собирались еженедельно по средам, чтобы весело и оригинально провести свободное время. За первые три года работы Содружества было проведено 70 таких «сред», которые чередовались с вечерами и бенефисами отдельных членов ХЛАМа.

Скоро заседания из скромных помещений перешли в лучшие залы города – «Парамаунт», «Канидром», «Казино де Пари», ресторан братьев Ткаченко, а с 1937 г. у объединения появился собственный зал «Богема» в кафе «Ренессанс». Традиционные балы шанхайской богемы скоро стали модными среди жителей Шанхая. С первого же сезона в Содружестве стали проводиться выборы «Мисс и Мистер ХЛАМ», которыми становились наиболее популярные и остроумные артисты и литераторы. В первом сезоне ими стали актриса В.В. Панова-Рихтер и фелетонист А.В. Петров (Полишинель), во втором – художники Т.П. Хомякова и Л.В. Свирский.

Проходили и тематические «среды»: «Амур в окно стучится», «О радиовещании и радиовещателях», «Юбилей Флегонта Дударыкина», «Через сто лет» и другие. С особой помпой у шанхайской богемы прошла юбилейная сотая «среда», которая сопровождалась дружеским банкетом с застольными песнями, тостами и поднесением подарков «отличным хламистам» [1, с. 9]. С 1937 г. в ХЛАМе стали проводить литературно-музыкальные заседания, получившие название «вечеров у зеленой лампы». На них слушались серьезные доклады об искусстве, литературе и поэзии.

Все приезжавшие в Шанхай артисты считали своим долгом посетить заседание Содружества,

на котором узнавали последние новости литературно-художественной жизни. В «ХЛАМе» выступали и гастролеры, среди которых было немало мировых знаменитостей. В январе 1936 г. Содружество торжественно встретило Ф. Шаляпина, а в 1937 г. удостоило звания «почетного рыцаря шанхайской богемы» А. Вертинского.

В 1942 г. ХЛАМ переименовали в Российское общество служителей искусства в эмиграции. В него вошли несколько творческих союзов: Объединение писателей и журналистов, Объединение артистов драмы, оперы и оперетты, Объединение артистов балета и Объединение музыкантов. Их представители составляли правление. Председатель уже не избирался, им являлся начальник культурно-просветительского отдела Российского эмигрантского комитета, где это общество и было зарегистрировано.

АРТ-клуб, основанный в Шанхае 24 сентября 1944 г., объединял многих артистов из числа русских эмигрантов. Его председатель Б.Б. Свежинский, работавший бухгалтером, был хорошим организатором и способствовал удачным гастролям многих артистов. В Арт-клубе работали разные секции, в нем часто выставляли свои работы русские художники.

Далеко не всегда и не всем шанхайским артистам улыбалась удача. Трудности трудоустройства, недостаток финансов, проблемы с арендой помещений для театральных постановок часто сводили на нет все усилия по пропаганде русского искусства. В свое время для помощи русским артистам в поиске работы Русское музыкально-просветительское общество открывало Театральное бюро, просуществовавшее недолго, как и само общество. Известны случаи, когда нужда и душевные тревоги доводили артистов до самоубийства. Вот что писал по этому поводу журнал «Кстати»: «Актер, идущий на самоубийство из-за нужды, актер, принужденный принимать помощь в порядке пожертвования... И это в городе, в котором устраиваются королевские балы богемы, где не то существует, не то не существует, но во всяком случае собирает хорошие сборы под маркой “содружества богемы” некая организация, возглавляемая сладкоречивым лидером» [22, с. 16].

Основные проблемы были обусловлены отсутствием тесной связи с родиной. «Русская эмиграция, разбросанная по чужим странам, – отмечал художник А.А. Ефимов, – особенно зорко должна следить за теми, кто создает нематериальные ценности. Быть артистом в наши дни труднее и страшнее, чем когда-либо. Обязан-

ность артиста работать, чтобы стать сильным, чтобы совершенствоваться, не встречает сочувствия. Художник в эмиграции одинок, у него нет среды, даже нет критиков, которые ободрили бы его, помогли ему найти самого себя» [7, с. 15].

Окончание Второй мировой войны заставило русских эмигрантов покинуть Шанхай. К концу 1947 г., в частности, прекратилась музыкальная жизнь русской эмиграции. Профессор Шанхайской консерватории В.Н. Костевич, эмигрировавший в США в 1948 г., писал: «Опера, оперетта и драма, за отъездом главных артистов в СССР, распались и прекратили свое существование. Симфонический оркестр еще существует, но в крайне ослабевшем составе. Лучшие музыканты уехали» [21]. Одни деятели искусства репатрировались в СССР, другие уехали в разные страны – США, Аргентину, Бразилию, Австралию и др., – где продолжили успешно заниматься своим делом, знакомя население с русским искусством.

Шанхай, таким образом, стал переходной ступенью для распространения русского искусства по миру. Здесь получили развитие все творческие жанры благодаря наличию в эмигрантской среде большого числа деятелей искусства, отсутствию цензуры и тесному соприкосновению с различными национальными культурами. В Шанхае, как и в других городах Китая, где жили русские, работали русский драматический театр, балетная школа, вокальные студии, ставились балеты, оперы и оперетты, давались концерты классической и популярной музыки. Русские музыканты-преподаватели Шанхайской консерватории заложили основы современного китайского музыкального образования и исполнительства.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. А.П. «Хлам» веселится: Сто «сред» шанхайской богемы // Рубеж. 1937. № 19 (8 мая). С. 9.
2. А.П. Шанхайская терпсихора и ее служители: Город-гигант Восточной Азии стал местом сбора русских балетных сил // Рубеж. 1942. № 40 (20 октября). С. 14-15, 22-23.
3. Ан. Ал. Сонора-Балет: К предстоящей постановке балета «Леда» // Слово: Беспл. воскрес. прил. 1931. 29 марта. С. 22-23.
4. Блестящая карьера харбинки: Нина Кожевникова в составе шанхайского ансамбля // Рубеж. 1941. № 43/16 (25 октября). С. 15.
5. Ван Чжичэн. История русской эмиграции в Шанхае. М.: Русский путь, 2008.

6. В Шанхае объединились в «СОРИ» все русские артисты // Новая заря. 1938. 10 мая.

7. Волохов М. Чувство прекрасного живет в портретах и художественных вещах А.А. Ефимова // Рубеж. 1942. № 1 (1 января). С. 15.

8. Гарвэй Д. Шампанское в искусстве: Успехи Русской оперетты в Шанхае // Рубеж. 1938. № 37 (10 сентября). С. 10-11.

9. Дивеева Г.А. Шанхайская национальная консерватория в 1920–1940-е гг.: к проблеме взаимодействия с традициями российского музыкального образования // Общество. Среда. Развитие (Terra Humana). 2014. № 1. С. 137-140.

10. Е.П. Музыка седого Китая // Рубеж. 1941. № 5 (25 января).

11. Жиганов В.Д. Русские в Шанхае: Альбом. Шанхай, 1936.

12. К.М. Беседа с артисткой З.А. Битнер, прибывшей из Бразилии // Новая заря. 1964. 28 октября.

13. Л.Ж. Лучший джасс – русский // Рубеж. 1937. 27 октября.

14. Многогранное дарование: К бенефису В.В. Пановой // Рубеж. 1942. № 5 (31 января).

15. П-ель. Каскад музыки и веселья: Успехи русской оперетты в Шанхае // Рубеж. 1937. № 16 (17 апреля).

16. Разов Л. Театральные рекруты Русского Шанхая: Огни рампы не влекут больше любителей // Рубеж в Шанхае. 1941. № 40/13.

17. Ратова (Тюрина) Н. Прима-балерина Нина Кожевникова // Друзьям от друзей. 1991. № 34 (Май). С. 55-58.

18. Театр. Музыка. Кино // Феникс. Шанхай, 1935. 4 сент.

19. Ур-в С. Русский театр в Шанхае: Что может сделать любовь к делу и настойчивость одного человека // Рубеж. 1935. № 19 (4 мая). С. 12-13.

20. Французские артисты (Жюль Роланд и Пьер Журдан) – о русских // Феникс. 1935. 20 октября.

21. Шанхай опустел, русские уехали и разъезжаются // Новая заря. 1948. 29 января.

22. Шанхайский театр. Об изнанке одного юбилея и нравах актерской среды // Кстати. 1940. № 2 (6 января).

REFERENCES

1. A.P., 1937. «Hlam» veselitsya: Sto «sred» shankhaiskoi bogemy [“Junk” having fun: a hundred “Wednesdays” of Shanghai bohemia], Rubezh, no. 19 (May 8), p. 9. (in Russ.)
2. A.P., 1942. Shankhaiskaya terpsikhora i ee sluzhiteli: Gorod-gigant Vostochnoi Azii stal

mestom sbora russkikh baletnykh sil [Shanghai Terpsichore and its servants: the giant city in the East Asia has become a gathering place for Russian ballet forces], Rubezh, no. 40 (October 20), pp. 14-15, 22-23. (in Russ.)

3. An.Al., 1931. Sonora-Balet: K predstoyashchei postanovke baleta «Leda» [Sonora-Ballet: For the upcoming production of “Leda” ballet], Slovo: Bespl. voskres. pril., 29 marta, pp. 22-23. (in Russ.)

4. Blestyashchaya kar'era kharbinki: Nina Kozhevnikova v sostave shankhaiskogo ansamblya [The brilliant career of a girl from Harbin: Nina Kozhevnikova as a part of Shanghai ensemble], Rubezh, 1941, no. 43/16 (October 25), p. 15. (in Russ.)

5. Wan Zhicheng, 2008. Istoriya russkoi emigratsii v Shankhae [History of the Russian emigration in Shanghai]. Moskva: Russkii put'. (in Russ.)

6. V Shankhae ob'edinilis' v «SORI» vse russkie artistry [“SORI” united all Russian artists in Shanghai], Novaya zarya, 1938, 10 maya. (in Russ.)

7. Volokhov, M., 1942. Chuvstvo prekrasnogo zhivet v portretakh i khudozhestvennykh veshchakh A.A. Efimova [The sense of beauty lives in A.A. Efimov's portraits and other artistic works], Rubezh, no. 1 (January 1), p. 15. (in Russ.)

8. Garvei, D., 1938. Shampanskoe v iskusstve: Uspekhi Russkoi operetty v Shankhae [Champagne in art: the Russian operetta's success in Shanghai], Rubezh, no. 37 (September 10), pp. 10-11. (in Russ.)

9. Diveeva, G.A., 2014. Shankhaiskaya natsional'naya konservatoriya v 1920-1940-e g.g [Shanghai National Conservatory, 1920-1940], Obschestvo. Sreda. Razvitie (Terra Humana), no. 1, pp. 137-140. (in Russ.)

10. E.P., 1941. Muzyka sedogo Kitaya [Music of old China], Rubezh, no. 5 (January 25), p. 19. (in Russ.)

11. Zhiganov, V.D., 1936. Russkie v Shankhae [Russians in Shanghai]. Shanghai. (in Russ.)

12. K.M., 1964. Beseda s artistkoi Z.A. Bitner, pribyvshoi iz Brazili [Interview with actress Z. Bitner who arrived from Brazil], Novaya zarya, 28 oktyabrya. (in Russ.)

13. L.Zh., 1937. Luchshii dzhass – russkii [The best jazz is Russian], Rubezh, 27 oktyabrya, p. 13. (in Russ.)

14. Mnogogrannoe darovanie: K benefisu V.V. Panovoi [Prodigious talent: towards V.V. Panova's benefit performance], Rubezh, 1942, no. 5 (January 31), p. 17. (in Russ.)

15. P-el', 1937. Kaskad muzyki i vesel'ya: Uspekhi russkoi operetty v Shankhae [Cascade of music and fun: the Russian operetta's success in Shanghai], Rubezh, no. 16 (April 17), p. 17. (in Russ.)

16. Razov, L., 1941. Teatral'nye rekruty Russkogo Shankhaya: Ogni rampy ne vlekut bol'she liubitelei [Theatre servants of Russian Shanghai: the stage doesn't attract amateurs any more], Rubezh v SHanhae. 1941. № 40/13, p. 2. (in Russ.)

17. Ratova (Tyurina), N., 1991. Prima-balerina Nina Kozhevnikova [Prima ballerina Nina Kozhevnikova], Druzyam ot druzei, no. 34 (May), pp. 55-58. (in Russ.)

18. Teatr. Muzyka. Kino [Theater. Music. Cinema], Feniks, 1935, 4 sentyabrya, p. 15. (in Russ.)

19. Ur-v, S., 1935. Russkii teatr v Shankhae: Chto mozhet sdelat' liubov' k delu i nastoichivost' odnogo cheloveka [Russian theater in Shanghai: What can be achieved thanks to the professional devotion and persistence of one man], Rubezh, no. 19 (May 4), pp. 12-13. (in Russ.)

20. Frantsuzskie artistry (Zhyul' Roland i Pier Zhurdan) – o russkikh [French artists (Jules Roland and Pierre Jourdan) – about the Russians], Feniks, 1935, 20 oktyabrya, p. 15. (in Russ.)

21. Shankhai opustel, russkie uekhali i raz'ezzhayutsya [Shanghai is deserted, the Russians have left and are still leaving], Novaya zarya, 1948, 29 yanvary. (in Russ.)

22. Shankhaiskii teatr. Ob iznanke odnogo yubileya i nrvakh akterskoi sredy [Shanghai theater. On the underside of one anniversary and the actors' environment and customs], Kstati, 1940, no. 2 (January 6), p. 16. (in Russ.)

УДК: 94 (47+571)+341.341+355. (415.8+257.72)
DOI dx.doi.org/10.24866/1997-2857/2017-3/41-48

Е.Ю. Бондаренко*

ПОЛИТИКА СОВЕТСКОГО ГОСУДАРСТВА ПО ИДЕОЛОГИЧЕСКОМУ ПЕРЕВОСПИТАНИЮ ЯПОНСКИХ ВОЕННОПЛЕННЫХ НА ДАЛЬНЕМ ВОСТОКЕ РОССИИ В ПОСЛЕВОЕННЫЕ ГОДЫ

Статья посвящена политике коммунистической обработки японских военнопленных в лагерях советского Дальнего Востока в послевоенные годы. Автор рассматривает основные методы политического прессинга, которому подвергались военнопленные в советских лагерях, анализирует деятельность специальных «школ коммунизма», в которых велась идеологическая обработка пленных. Методологической основой исследования является теория поведения человека в плену, разработанная современными российскими историками, юристами и психологами.

Ключевые слова: японские военнопленные, Дальний Восток, коммунистическая идеология, идеологическая обработка, антивоенная пропаганда, репатриация

Soviet indoctrination of Japanese war prisoners in the Russian Far East in the post-Second World War period. ELENA Yu. BONDARENKO (Far Eastern Federal University)

The article is devoted to the policy of the Communist indoctrination of Japanese prisoners of war in the camps of the Soviet Far East during the post-war years. The author examines the main methods of political pressure on the prisoners of war in Soviet camps, analyzes the activities of special “schools of communism” that carried the task of communist indoctrination. The methodological basis of the study is the theory of human behavior in captivity, developed by modern Russian historians, lawyers, and psychologists.

Keywords: Japanese prisoners of war, Soviet Far East, communist ideology, indoctrination, anti-war propaganda, repatriation

Система подавления любого инакомыслия и насильственное насаждение коммунистической идеологии, характерные для политического режима, сложившегося в СССР после Октябрьской революции, стали в послевоенное время неотъемлемой частью идеологического воспитания японских пленных в советских лагерях. Такая политика была необходима советскому правительству для того, чтобы в разрушенной войной,

ослабшей Японии укрепить роль Коммунистической партии и попытаться построить там социализм с помощью «пятой колонны», состоявшей из бывших репатриантов, присланных из СССР.

С этой целью в течение послевоенных лет десятки тысяч японских военнопленных, принудительно работавших на советских предприятиях, подвергались усиленному идеологическому перевоспитанию.

* БОНДАРЕНКО Елена Юрьевна, доктор исторических наук, научный сотрудник Лаборатории социального проектирования и прогнозирования Департамента социальных и психологических наук Школы гуманитарных наук Дальневосточного федерального университета.

E-mail: plen02.09.1954@mail.ru

© Бондаренко Е.Ю., 2017